

Питер неуверенно поднялся по лестнице.

Ему нужно было немного времени. Немного места.

Ему нужно было немного побыть на свежем воздухе.

Независимо от того, насколько сильно он обычно ненавидел это делать. Дядя Бен всегда считал, что выходить на улицу полезно для здоровья.

Он не был так уверен, но это было бы лучше, чем ходить очень маленькими кругами по ванной.

Он не знал, какая дверь где находится, поэтому постучал в первую попавшуюся на верхней площадке лестницы.

Раздался голос его тети:

— Да? Питер, это ты? — Ее голос звучал напряженно. Натянuto.

Питер еще раз облизнул губы и крикнул в ответ:

— Да. Это я. Я просто хотел сообщить тебе, что собираюсь пойти прогуляться.

Последовала пауза, и Питер представил, как тетя Мэй обдумывает это.

— Прогуляться? Ты уверен?

Ее голос звучал ближе, и в нем было очень трудно не заметить нотку недоверия.

Он вздохнул и засунул руки в карманы брюк цвета хаки.

— Я просто... Мне нужно немного подумать.

Дверь приоткрылась, и Мэй выглянула наружу с явным беспокойством на лице. Она посмотрела ему в глаза, как будто пытаясь понять, зачем ему вообще понадобилось выходить, прежде чем кивнуть.

— Хорошо. Позвони мне, если собираешься опоздать на ужин, хорошо?

— Да, мэм, — почтительно сказал он, склонив голову.

Она полностью открыла дверь и заключила его в объятия. Ему не нужны были обостренные чувства, чтобы понять, что она плакала. Он обнял ее в ответ, прежде чем она вернулась в комнату.

Питер понял, что она, должно быть, действительно отвлеклась. Его мобильный телефон все еще был дома. Ну... по соседству были телефоны-автоматы... в любом случае, он не планировал задерживаться на улице слишком долго. Он планировал вернуться задолго до наступления темноты.

Он понюхал воздух, уловив дуновение незнакомого запаха. Бактин и сирень. Шампунь Анны Уотсон, но оттенки аромата были совершенно другими. Посвежее. Острее. Что-нибудь сладкое и легкое. Это было не совсем то же самое, но навело его на мысль о вафлях.

Он оглянулся через плечо на другую дверь в противоположном конце коридора. В нем образовалась трещина, пока он разговаривал с тетей Мэй. Вероятно, поэтому он этого не слышал.

Он заметил, как на мгновение мелькнула толстовка с капюшоном и примерно половина лица под ней. Бледность была главным впечатлением, которое осталось. Почти бескровное, обрамленное потрясающе рыжими волосами. У нее были красивые, ровные черты лица, и он мельком увидел поразительные зеленые глаза.

— ЭмДжей, — догадался он и был удивлен, хотя, вероятно, не должен был удивляться. Очевидно, внешность была в ходу в семье Уотсонов.

Она вздрогнула от его взгляда и отвернулась, поспешно хлопнув дверью. Он мельком увидел другую сторону ее лица, когда она пошевелилась. На левой стороне ее лица было множество незаживающих синяков. У нее был синяк под глазом, почти, но не совсем распухший и закрытый. Ее губа с левой стороны была рассечена, но она уже покрылась струпьями. Еще больше синяков у нее на щеке.

— Опять спорит с отцом, — сказал дядя Бен.

— Вопрос жизни и смерти. — Он сказал.

Неудивительно, что Анна так спешила забрать ее. Зашла так далеко, что разбудила свою соседку, чтобы одолжить ей машину. Питер начал спускаться по лестнице. Он чувствовал себя неловко, но на самом деле ничего не мог поделать с этой ситуацией. У него были свои проблемы, о которых стоило беспокоиться, и, по крайней мере, Эм Джей Уотсон была здесь, вдали от того, в чем она изначально находилась.

Он подошел к двери и понял, что на улице будет оживленно. Имело ли это для него еще значение? У него не было куртки... Тетя Мэй в основном покупала домашнюю одежду во время их похода по магазинам. Он взглянул вверх по лестнице, сделав глубокий вдох, чтобы убедиться, что ни его тети, ни ЭмДжей нет дома, где они могли бы его увидеть, он переоделся, надев толстовку Клетуса. Он сохранил брюки цвета хаки, но сменил тяжелые ботинки Клетуса на свои кроссовки.

Он открыл дверь и вышел, прежде чем поспешно засунуть руки обратно в карманы.

Ветер сорвал толстовку с его головы. Он убедил себя, что это на самом деле его лицо, увидев свое отражение в лобовом стекле машины его тети.

Он натянуто улыбнулся и двинулся дальше.

У него не было ни малейшего представления о том, что он хочет делать. Или куда он хотел пойти. Он просто чувствовал себя... беспокойным. Закрылся изнутри. Иногда мужчине просто нужно побродить, - он повысил голос. Было довольно странно слышать его мысли... Мысли Клетуса привлекли его внимание. Было еще более странно слышать мысли в своем собственном голосе, делая это с акцентом и интонациями убийцы-бойни.

Он позволил своим ногам вести себя автоматически и оказался прямо за пределами их заднего двора. Деревянный забор высотой по пояс был скорее мягко сформулированным предложением, чем каким-либо реальным сдерживающим фактором.

Питер смотрел и думал. Хорошо... ему действительно нужно было взять какую-нибудь другую одежду, чтобы показать тете Мэй, так как он съел всю свою новую. День клонился к вечеру, но было слишком оживленно для большинства людей, чтобы утруждать себя пребыванием на улице. Люди были либо на работе, либо оставались дома. Питер дал волю своим чувствам. Он не был уверен, насколько хорошо он мог доверять своим недавно обострившимся чувствам, но он чувствовал себя... в безопасности.

Или, по крайней мере, в тот момент он никого не видел, не обонял и не слышал на улице. Он был почти уверен, что в данный момент никто не выглядывал из их окна.

Так почему бы и нет? Он потянулся к задвижке калитки и обнаружил, что, вопреки всему и предыдущему опыту, кто-то запер ее.

Наверное, копы. Или кем бы ни были те специалисты по уборке, о которых упоминала детектив Стейси.

Он был почти уверен, что поблизости никого нет. Питер попытался перелезть через забор высотой по пояс. Он был готов просунуть свои обтянутые искусственными рабочими ботинками ноги в щель между деревянными стойками и попытаться использовать эту дополнительную высоту, чтобы подтянуться и, надеюсь, не слишком ушибиться, когда споткнется с другой

стороны, но из этого ничего не вышло.

Как только он уперся руками в верхушку забора и начал поднимать ноги, он понял, что может полностью опираться на руки. С грацией и контролем над движениями, которых у Питера никогда в жизни не было, он легко поджал под себя ноги, с легкостью перепрыгнул через низкий забор. Питер обернулся и устоялся на забор.

Он еще раз оглядел улицу, еще раз оперся руками о забор и повторил свой подвиг, твердо приземлившись обеими ногами на тротуар без каких-либо затруднений. Он ухмыльнулся.

Не то чтобы он был неуклюжим или что-то в этом роде, но Питер всегда был явно неатлетичен. Физкультура была единственным предметом, который на самом деле угрожал испортить его средний балл. Значит... вдобавок к силе у него был еще и идеальный контроль над мышцами? Своего рода усиленная проприоцепция? Все остальные его чувства, казалось, подверглись резкому обострению, почему бы не его кинестетическое восприятие и чувство равновесия?

Он ухмыльнулся, затем еще раз оглядел улицу вверх и вниз. Он ухватился за деревянное ограждение, затем оттолкнулся ногами, легко перемещая и складывая свое тело в стойку на руках. Он продолжал ухмыляться, плавно и легко отжимаясь от своего места. Выпрямившись, он отпустил одну руку, и его тело немедленно изменило равновесие, приспосабливаясь.

<http://tl.rulate.ru/book/98571/3358091>